Геннадий АЙГИ

1. Начиная с подросткового возраста я привык — в ответственные моменты моей жизни — проверять себя Маяковским.

Через него в середине пятидесятых годов я пришел к Пастернаку, а через «Охранную грамоту» — к Бодлеру и Нишие.

Но грустный период, когда мне стало «не до Маяковского», был — десятилетие или более того, начиная с советской оккупации Чехослова ии. Бсеобщая наша безвыходность стала тогда для меня как бы «личностно экзистенциальной», и я держался блатодаря Сёрену Кьеркегору, Кафке и Максу Жакобу.

Я не забывал Маяковского, думал о нем с горечью. Но и это прошло, и я вернулся к нему — уже окончательно — как ч проверяющему явлению, всегда приводившему меня в состояние ответствежности перед самим собой, требующему «тайного», никого не касающегося художнического мужества.

2. У Маяковского исключительное чувство словесной пластики, словесной архитектоники. Можно даже говорить о его гениальном пластическом мышлении. При этом сами чувства, их накал, их противоборство проявляются столь крупно, что напоминают Шекспира и Достоевского.

К Маяковскому — мыслителю-монументалисту — нельзя применять мерки, подходящие к художникам-мыслителям элитарно-интеллектуал-ного склада, иногда «правильным» в силу побочной наблюдательности. А такая ошибка делается сплошь и рядом.

В Маяковском меня, в силу его честнейшей, трагической цельности и крупности, привлекало и привлекает почти все. Грандиозная литургичность его личностно-исповедальных поэм (и ранних, и «Во весь голос») сродни православной литургичности Мусоргского. Уникальной считаю я также и поэму «Хорошо!» такой свежести деятельного идеализма (кажущегося почти волшебным) никогда уже не будет в русской поэзии. В контексте выставки «Великая утопия» мы видим, какое это редкостное явление -реклама Маяковского, а «Окна РОСТА» вообще стали классикой мирового изобразительного искусства. Кстати, название выставки мне кажется неудачным оно заранее подсказывает однозначное ее восприятие. Дело в том, что нельзя путать вечные (реально действенные) идеалы человечества с утопией, с утопизмом. А на упомянутой выставке многое - это уже воплотившаяся эстетическая реальность, и это уже навсегда — в самом изменившемся сознании миллионов людей. Как говорил один мей старый друг, Малевич побывал в космосе раньше, чем космонавты.

Я равнодушен только к агитпормам Маяковского, написенным, кстати, в советостве с Аселения или Кирсановым. Но и очи интересны чисто лингво-поэтически.

3. Это всэ равно, как если бы такой вопрос задали, например, насчет Бетховена или Микеланджело. Я ни в чем не мог бы поддержать Бетховена, ни от чего не хотел бы его удерживать.

Маяковский для меня столь же огромен во всем. Он несравненно больше своей эпохи.

Нынешние «разборки» относительно Маяковского направлены из настоящего в прошедшее. Между тем не только зстетическое, но и этическое постижение поэта требует выхода из настоящего в перспективу будущего.

4—5. Маяковский погиб вместе с задохнувшейся революцией («его революцией», как он говорил сам). Он даже огромный символ гибели незавершенной революции.

Сейчас, пожалуй, идет завершение последней ее стадии (запоздалое и какоето подражательное чему-то и кому-то, поэтому похожее на некую «самодеятельность»).

Несмотря на все перемены, те или иные, ничего «небывало огромного» в нашей эпохе, на мой взгляд, нет. Кстати, именно об этом свидетельствует современное всеобще серое искусство — мелко резонерское в «традиционном» проявлении и мелко пародийное в «левом»; и никто не собирается стать «на горло собственной песне», на такое способны лишь великие поэты — во имя великого слова. По мне, как раз таксе совершали над собой Бодлер и Норвид.

И Маяковский не нужен нашей эпохе приблизительно так же, как в эпоху Просвещения не были нужны титаны возрожденческого склада с их особой и цельной мощью религиозно-гуманистической убежденности.

6. Уверен, что Маяковский будет возвращаться и вставать перед мировой культурой как большая, серьезная этико-эстетическая проблема словесно-пластическая. Очень сильна религиозная, богоборческая сущность Маяковского, и он вновь и вновь будет требовать проверки Слова в религиозно-экзистенциальном ключе, вызывая проявления его наивысшего, творящего качества.

Евгений ЕВТУШЕНКО

1. Менялось. Ко всем его томам, за исключением первого. Весь первый том — это чудо. Никто в мире не начинал с такой мощью. Это не означает, что во всех других томах нет прорывов в настоящую поэзию. Но это именно прорывы. Мое отношение к остальным томам Маяковского менялось по степени душераздирающей жалости к нему. Его трагедия в его любви к революции была равна трагедии в любви с женщиной, которой, конечно, льстит любовь гения, но которая цинично использует его — и при жизни, и после смерти. Маяковский был обманут всеми любимыми, включая и революцию. Даже если он сам застрелился, его все равно

2. Весь первый том, куски из «Про это», «Во весь голос» и предсмертные наброски. Если подсчитать только гениальные строки, написанные Маяковским и тахим крупным поэтом, как Тютчев, то у Маяковского этих строк раза в три больше. Поражаюсь затаенному и явному сальеризму по отношению к Маяковскому. Как только эти ниспровергатели Маяковского начинают печатеть свои собственные стихи, это их с головой выдает. Зато величие дара Маяковского

го по мироощущению и стилю поэты, как Пастернак, Цветаева, Ахматова. Пастернак говорил, что когда Маяловского стали насильно насаждать, как картошку, это стало его второй смертью. Это правда. Но Маяковский пережил и свою вторую смерть. Он слишком велик, чтобы его втиснули в глазетовый гроб поклонения, осыпаемый цветами, или в холодный цинковый гроб заббе-

3. Поздно поддерживать и удерживать мертвых. Надо поддерживать живых и удерживать их.

4. После 1930 года для Маяковского не было места в революции, которая превратилась в контрреволюцию. Пастернак выжил только потому, что, по собственному признанию, был не участником, а гостем.

5. Во всяком случае не писал бы стихов: «Ваше слово, товарищ ваучер».

6. Маяковскому принадлежит все будущее, какое есть у России и у человечества. «Облако в штанах» будут читать до той поры, пока земля вертится и пока любовь будет ошеломлять людей, как всегда неожиданная радуга.

Тимур КИБИРОВ

1. В отрочестве я, как и многие другие, был увлечен примитивной эффектностью поэтики Маяковского. К счастью, это вскоре прошло. Сейчас его стихи вызывают у меня толзко скуку и легкую брезгливость.

2. Никаких ярких эмоций тексты Маяковского у меня не вызывают — чересчур ясны и неинтересны механизмы построения его стихов и побудительные

мотивы их написания.
3. Никогда не ислытывал подобных желаний.

4. Отчего же нет? В вопросе заложено предположение о том, что Маяковский и сталинская эстетика не соединимы. На мой взгляд, это заблуждение.

5. Наверное, то же, что и всегда, — всеми способами добивался бы славы и власти.

6. Конкретно у Маяковского? Не знаю. Но художники такого типа, к сожалению, будут всегда и всегда будут на коне. Надеюсь, впрочем, что и моцартианско-пушкинский тип не переведется.

Наум КОРЖАВИН

1. Отношение мое к Маяковскому за 54 года знакомства с его творчеством (с 13 до 67 лет), конечно, менялось и изменилось полностью. Поклонение сменилось отрицанием. Псоизошло это довольно давно, в конце пятидесятых — на але шестидесятых годов. Я имею в виду отрицание не того, что он называл (а мы вслед за ним тоже) «социвальным заказом» (он и в моем поклонении значил немного), а за редким исключением того, что было написано исключением сот себя», из внутренней потребности.

Не хотелось бы, обжегшись на моло-ке, дуть на воду. Например, уподобляться тем московским художникам. которые, выступая несколько лет назад на каком-то своем собрании, горячо и легкомысленно объявляли его предтативизации и «37-го года». Тем более что изменение моего отношения к Маяковскому прямо с его политическим поведением и даже политическими стихами, а тем более агитками вообще не связано. Смешны мне и попытки просто объявлять его бездарью. Да и вообще изменилось мое отношение к нему только как к поэту — «Клоп» и «Баня» мне до сих пор кажутся выдающимися произведениями.

Изменение моего отношения к Маяковскому лишь отчасти связано у меня с изменением моих политических взглядов, в основном оно связано с тем, что за этим стояло, — с изменением общего отношения к жизни, всей ценностной, а значит, и эстетической ориентации. Вероятно, потому, что и поклонение большевизму, и отказ от него вообще имеют не только политические аспекты.

Мне стала претить поэзия самоутверждения — такого самовыражения, целью которого является самоутверждение, культ своеволия, а не откровения — все, что роднило такое искусство с большевизмом. То, что большевизм не принял этого редства, ничего не меняет — он никогда не искал в искусстве отражения своей сущности, ибо всегда даже внутренне — сам от себя — заметал следы.

В принципе такое «своеволие» в социальном и художественном творчестве было печатью времени. В социальном «творчестве» эта психология грубей, примитивней и агрессивней всего выразилась в большевизме, а в искусстве — в творчестве Маяковского. У него это занимало намного больше места, чем у других талантливых поэтов эпохи. И в значительной степени не только проникло в святая святых творчества — в его поэтику, но и почти абсолютно поглотило ее. Выражалось это во всем — от требования: «Мария дай!» и нервов, которые гонялись один за другим до зверских инверсий и рифм типа «жизнь с кого — Дзержинского». Некий напор, насилие, желание подчинить читателя даже неблагозвучию, даже трудно произносимому. «Форма» тут была вполне адекватна содержанию. Его стихи в подавляющей части исключают самоидентификацию читателя с автором, как точно когда-то заметил трагически рано ушедший из жизни Ю. Карабчиевский. А без этого для меня нет лирика. Но исключают они это не только потому, что автор иногда говорит вещи для нормального человеческого восприятия неприемлемые, вроде «Я люблю смотреть, как умирают дети». Эпатаж — только один из видов грубого самоутверждения. Оно, повторяю, в самой поэтике. Дело не в отсутствии чувств, а в том, что всегда это чувство остается вне читателя, висит над ним, разыгрывается перед ним как на театре, он может даже заразиться этим чувством, но, как в театре, переживая за автора-актера: «Вот как он чувствует! Вот как правильно он чувствует! Как я с ним согласен!!» Все он, а не я сам становлюсь на время поэтом. После революции это трансформировалось в то, что назвали «ораторской интонацией».

собственные сгихи, это их с головой выдает. Зато величие дара Маяковского что путь к гармонии не утопия, что прекрасно поняли такие далекие от некто-то, кем достойно быть, в когорте, к которой лестно принадлежать, может насильно привести человечество в рай, пока презирал не понимающих высокости такого мироощущения «мещан» и пр., и пр., — другими словами, пока, не сознавая того, поклонялся напору и нахрапу, Маяковский был мне созвучен и оставался предметом моего поклонения. Романтического — как некая конфликтная поэтическая личность. Поклонялся. И приспосабливался к нему, как и к общему духу времени. Эго «приспособление к духу» не совсем то, что понимается у нас как приспособленчество, ибо иногда требовало и самоотверженности. И тем не менее.

самоотверженности. И тем не менее. Но с годами я отказался от этого— не только от связанных с этим политических взглядов, но и от всей субкультуры — просто ясней ощутил извечную трагичность бытия и гармонии в мем, а вместе и извечную радость постижения гармонии в этом бытии, открытия ее в самой жизни, которая, несмотря ни на что, божий подэрок. После этого я стал утрачивать и утратил интерес к его поэзии, она мне стала

не нужна.

2. Люблю я только «Лиличка! Вместо письма», «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают...», конец «Про это» и второе вступление в поэму «Во весь голос». Многие стихи меня развлекают. В некоторых что-то есть, но что-то раз-

3. За это не берусь. Прошлое непопразимо: и, кто его знает, кем был бы я сам, живи я в его время.

4. Нет, не представляю. Холуем бы не был. Лавировать бы не смог. Писать в стол—тоже вряд ли. Он ушел из жизни, когда его время закончилось банкротством.

5. Что значит этот вопрос? Если бы дожил до ста лет? Если бы позже родился? Когда? Во всех этих случаях речь бы шла о другом человеке.

6. Навермое, есть. Он все-таки занял место в нашей судьбе. Был явлением я целом ложным, но все же отдушиной. Потом, вообще есть любители гипертрофированных прояплений. Но думаю, что будущее некоторых из его сверстников более несомненно, чем его...

BEK

МАЯКОВСКОГО

Анкета «ЛГ»

поэте

1. Менялось ли ваше отношение к Маяковскому? Если менялось, то

2. Что из написанного Маяковским не оставляет вас равнодушным?

4. Можете ли вы представить себе Маяковского после 1930 года?

3. В чем бы вам хотелось его поддержать? От чего удержать?

«Это была революция. Это было стихами» — так передает он свое детское впечатление.

Говоря о влиянии на Маяковского грузинской языковой среды, не хочу давать какой-либо оценки этому явлению, скажу лишь, что оно уникально, а уникальность явления — уже достаточная ценцость изобы в предостаточная и предостаточная предостаточная и предостаточная

ность, чтобы ею дорожить.
В отличие от большинства поэтов-современников, он вырос не в Петербурге,
не в Мэскве и даже не в русской провинции, и связь с русской поэтической
традицией ощущалась им совсем не так,
к. к Ахматовой, Мандельштамом, Пастернаком, Цветаевой или Ходасевичем. Фонетической перестройке поэтической речи ссответствовало безоглядное обновление поэтического словаря, в двадцатые годы он прорвался к свободному от
всяких поэтических ассоциаций, «грубому», как ему хотелось, а подчас и плоскому, одноразовому слову.

2. Есть несколько вещей у раннего Маяковского, к которым я испытываю нежное чувство. Это прежде всего «Скрипка и немножко нервно», «Послушай з!», «Облако в штанах», «Флейтапозвоночник».

3. В моей поддержке Маяковский никак бы не нуждался, и удержать его от чего-либо мне было бы не под силу.

4. Не знаю, как в 32-м или 33-м, но не могу представить Маяксвского, живущего в 37-м году.

5. Думаю, что сегодня Маяковский писал бы пятистопным ямбом — в этом, право же, больше «новаторства», чем в верлибрах, столь любимых нашими авангардистами, или в фигурных стихах в духе Симеона Полоцкого.

Если же отвечать на вопрос серьезно, придется сказать, что Маяковский (так же, как Державин или Пушкин) был человеком своего времени — пересадка в другое время бесчеловечна и, слава Богу, невозможна.

6. Будущее у Маяковского есть, безусловно. Хуже с настоящим. В конце концов нельзя безнаказанно не замечать при жизни таких поэтов, как Мандельштам, Кузмин, Цветаева, Пастернак, нельзя написать: «Как будто влип в акварель Бенуа, к каким-то стишкам Ахматовой», нельзя меж собой и Пушкины...

5. Он делает то же, что и сто лет назад от момента рождения, — идет своим путем, стихи идут.

6. Огромное. Такие поэты, как Байрон, Уитмен, Эдгар По, Бодлер, Хлебников, Маяковский, будут исчезать во времена низкой мещанской психики и вспыхивать на всех знаменах будущих революций искусств.

Борис ЧИЧИБАБИН

Маяковский тот поэт, отношение к которому не у меня одного менялось язственно, резко и контрастно - существенно. Сегодня я вряд ли скажу, что люблю его — если люблю, то сам не знаю, не думаю, не помню. Уже давно, лет 25, я его не читаю, не могу, не хочу брать в руки его книг. А в моем дазнем школьном детстве — я родился в 1923 году — он был самым любимым поэтом, вместе с Пушкиным единственным, и я хотел, чтобы все любили его так, как я. Я любил не только его стихи, но и его самого как человека, как личность, любил его внешний облик, рост и голос, поведение, походку, мне хотелось быть хоть в чем-то похожим на него. Даже то, что сн мало читал и мало задумывался, его явная и чуть ги не враждебная непричастность к мировой и русской культуре мне, книжнику и думателю, казались, да, пероятно, так оно и было, его достоинством, непременным условием и качеством его особости и гениальности. Вместе с ним я любил то, что любил он: революцию, Ленина, мечту о коммунизме как о будущем всеобщем братстве без вражды и розни, без насилия и унижения, без купли-продажи, — и ненавидел то, что ненавидел он: власть денег, обывательско-мещанскую пошлость, богатых, начальников и бюрократов. До сих пор среди стихов, какие я знаю наизусть, больше всего стихов Маяковского. Я читал их с клубной сцены на зэковских вечерах самодеятельности з лагерной зоне, куда попал сразу после войны, хотя там, в те пять лагерных лот, при свете иных книг, иных мыслей душа моя уже не отзывалась на эти стихи, и я уже начинал понимать заблуждения его роковой и страшной слепоты. С особенной и новой силой и верой моя любовь к Маяковскому проявилась и прозвучала в начале 60-х, в заманчивые годы хрущевской оттепели; может быть, никогда еще я не любил его так, как в те годы, но зато уже и в последний раз. После 1968 года как спутник жизни он перестал существовать для меня, я живу с другими поэтами и ни разу не открыл его книг, не заглянул в них. Но когда случайно со старой пластинки, с чужого голоса - я снова слышу его стихи, эти необыкновенные речевые ритмы, где каждос слово звучит как будто только что, первый раз в жизни придуманное и выговоренное, не смешанное с другими, отдельное от других, таких же «весомых, грубых, зримых», слышимых, державински-державных слов, ничего не могу с собой поделать, откликаюсь всем слухом, всей душой, с невольным восторгом думаю: какой поэт, какой 2. Много. Помимо мсей воли очень

много. Прежде всего почти все без искпючения стихотворения первого тома, в первую очередь поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Человек», Но и многое-многое другое: поэма «Про это», разговор с солнцем, разговор пароходов на одесском рейде, разговор с Пушкиным, разговор на Тереке с лермонтовской Тамарой, всякие другие разговоры - с фининспектором о поэзии, с Костровым о любви, с Теодором Нетте, с Есениным, с Горьким, последний разговор с потомками. Всего не вспомнишь. Легче ответить, что оставляет равнодушным. В собрании сочинений Маяковского много примерно две трети всего написанного им - стихов несвободных, не проликтованных чувством, а сделанных намеренно, заказанных и приуроченных плакаты, агитки, газетные выступления, вот они-то оставляют равнодушными. Зато остающаяся треть не может оставить равнодушным никакого читателя и сегодня, даже если с этим не соглашаешься и внутренне споришь, даже если над этим смеешься или это-

му ужасаешься. 3. У Григория Соломоновича Померанца я нашел образ, запавший мне в душу: дьявол часто начинается с пены гнева на губах у ангела. Ангел всем своим существом восстает против явного, безбожного, царящего зла на защиту попранного и униженного добра, за правое, доброе, Божье дело. В процессе борьбы им овладевает ярость, ослепляющая и оглушающая, у него на губах появляется пена ненависти и бешенства, он уже не внемлет Богу и на наших глазах превращается в беса, в дьявола, одержимого страстью разрушения и убийства, крушащего все налево и чаправо, не щадящего ни виноватого, ни безвинного. В революции мне видится дьявол, который был некогда ангелом. Мы сегодня судим наше прошлое, праведно и строго судим революцию за ее преступления перед людьми и Богом, за ее непростимые, смертные грехи. Но я уже вижу, как у некоторых судей выступает на губах бесовская пена, и брызжет им в глаза, и застит взор. Нам не дано сегодня ни увидеть, ни понять, что бесовщина и дьявольщина революции начиналась с ангельского порыва, с прекрасной и светлой мечты, с боли за ниженных и угнетенных, с жажды свободы, справедливости, братства, бескорыстия, любви, с того благородного и святого чувства, которое уже в наши, совсем недавние дни двигало и Солженицыным, и Сахаровым, и семеркой смельчаков, которые вышли на площадь, протестуя против оккупации восставшей Чехословакии. Но не дано человеку удержаться в ангельском, не впустить себя бесовское. Правда, был поэт Максимилиан Волошин, в годы гражданской войны укрывавший в своем коктебельском доме белых от красных, красных от белых и молившийся «за тех и за других». Но в доме том скульптурный лик египетской царевны, посмертные маски великих сынов России, и вон какая библиотека из книг на разных языках. А в квартире Маяковского книг не было. Позиция Волошина большинству людей не свойственна и не присуща, и вот уж ни при каких обстоятельствах Маяковский не смог бы ее ни принять, ни понять. Вот почему мне хотелось бы, если бы я мог, если бы это вообще было возможно, поддержать его в ангельском порыве — а он же был в нем, перечитайте, вспомните многие его стихи, его готовность принять на себя все грехи мира, все кары и муки ради счастья обездоленных и сирых, его «за всех расплачусь», — и удержать его от бесовского, от дьявольского, ослепившего и заполонившего его в революционные и послере-

волюционные годы.

4. Конечно, Маяковский, останься он жив, менялся бы с временем, должен был бы меняться. Но мое воображение не представляет его живым после 1930 года. Он из другого времени. В сталинской империи ему нечего было бы делать, незачем было бы жить. Как это ни горько, его выстрел был естественным и закономерным выходом, достойным концом его честного и слепого, заблудившегося и обреченного пути.

5. Если бы Маяковского, как он мечтал и просил, удалось воскресить в наши дни и при этом, самое главное, не дать ему снова убить себя, ибо не о таком времени для своего воскрешения он мечтал, он остался бы, по-мсему, верен «социалистическому выбору» и оказался бы, как и свойственно, и должно поэту, «один противу всех». Он не принял бы нашей сегодняшней демократии с двуглавым орлом, дворянским собранием, казачьим кругом с атаманской плеткой и американской жвачкой, уголовщиной, выдаваемой за рынок, роскошными спонсорскими презентациями и празднествами посреди всенародной бедности и всеобщего бескультурья, как не принял бы ни безнаказанного разгула звериного национал-патриотизма и антисемитизма, ни трогательных объятий вчерашних коммунистов с православной церковью и безмозглым монархизмом, ни церковно-астрологического мракобесия, ни телевизионного бесстыдства, рассчитанного на кретинов, ни чернухи, ни порнухи. На всю эту бесовщину он обрушился бы всей мощью своего поэтического голоса и заставил бы себя услышать - и я думаю, что это было бы здорово и прек-

6. Я не боюсь того, что Маяковского сейчас не читают, я и сам, как признался, не читаю его. Для такого поэта, как Маяковский, временное забвение, временная ненужность ничего не значат. Поэтом для поэтов и литературоведов, как кое-кто предрекает, он никогда не станет — не тот голос. Он дождется долгого и дружественного будущего. Как всякий великий поэт, своими лучшими и, слава Богу, многими стихами он принадлежит вечности и, как это ни покажется неправдоподобным, служит Богу. Во всяком случае, больше служит Богу, чем политики и бизнесмены с непривычными свечечками в руках на показываемых по телевидению пышных богослужениях. Я в это верю. Я знаю это. Не представляю себе России без Маяковского, мира без Маяковского, будущего без Малковского.

Вадим ШЕФНЕР

1. Он был не просто новатором, он был революционером в поэзии — и создал новый жанр, который я бы назвал так: политическая лирика. Но должен признаться, что, ценя всю силу метафор Маяковского, всю ритмическую новизну его поэтической речи, я в то же время почти все его произведения воспринимаю не сердцем, а только разумом. В душе моей ответного волнения они не вызывают. Мне милее стихи других поэтов.

Не скрою и того, что был в моей судьбе такой период, когда возникло у меня неправедное и наивное чувство неприязни к нему. Это в ту пору, когда меня (как и многих других молодых стихотворцев) критики изо всех сил ругали за архаизм, за нежелание учиться у «агитатора, горлана, главаря» его отношению ко всему сущему. Но вскоре я уразумел, что сам-то Маякорский в гравле этой нисколько не виновен, что, будь он жив, все было бы по-иному. Это надлитературные вельможи после его смерти сделали из него знамя, под которым все начинающие позты должны были в едином строю шагать в светлое будущее. А кто не хотел шагать или брел по обочине — того били по белде древком этого знамени.

2. Из всего написанного Маяковским больше всего мне нравятся его ранние стихи, а особенно «Порт» и «Гимн судье»; их я наизусть помню.

3. Этот вопрос мне не совсем понятен. Ну, в чем я могу поддержать Маяковского, от чего удержать, если его на свете давно нет?! А стихи и поэмы его ни в чьей поддержке не нуждаются. Они — ценность реальная и живая и существуют независимо от того или иного отношения к ним.

4. Если бы Маяковский не погиб в 1930 году, он погиб бы в 1937-м, а то и раньше. В начале 30-х годов нашего многострадального века Сталин уже прочно взгромоздился на свой престол, и для современников Маяковского все яснее становилось, в какой тюремный рай ввергает страну этот вождь. Маяковский осознал бы это одним из первых — и не стал бы играть в молчанку. Будучи поэтом высокой творческой честности, в горькие и гневные строки воплотил бы он свои мысли и чувства. До широкой читательской массы, учитывая цензуру, стихи его новые. быть может, и не дошли бы, но уж до Сталина дошли бы обязательно...

5. Глядя с колокольни (или кочки?) нынешнего дня, я пришел к выводу, что Маяковский — самая трагическая фигура в истории русской поэзии. «Почему, спросите вы, — ведь не один он погиб в расцвете своих творческих сил?» Да, не один он, отвечу я. Но если бы воскресли сегодня Пушкин, Лермонтов, Есенин, Гумилев, Мандельштам, то они с радостью убедились бы в том, что годы не замутнили их поэзии, не опровергли ее, и что стихи их живут полной жизнью, ибо люди находят в них мудрые ответы на вопросы сегодняшнего дня. А если бы Маяковский вернулся в нынешнее наше бытие то он с горечью убедился бы в том, что был обманут своей эпохой, что некоторые его произведения, прославившие его при жизни, нуждаются ныне в строгом авторском пересмотре.

6. Бескорыстный, безупречно честный поэт, Маяковский своим смелым талантом прочно застолбил себе почетное место в русской и всемирной поэзии. И какие бы перемены и передряги ни ждали нашу родину в грядущем — никто не сможет сбросить Маяковского с корабля современности в море забвения. Он на этом корабле — навсегда.

Александр КУШНЕР

5. Что бы он делал сегодня?

6. Есть ли у него будущее?

когда и как?

1. Многое в моем отношении к Маяковскому изменилось после поездки на родину поэта в середине 70-х: я побывал в Багдади, глубокой грузинской провинции не только по отношению к Петербургу или Москве, но даже к Тбилиси. Горная река с камнями во рту, грузинская речь с ее орлиным клекотом (звуки рождаются не в полости рта, глубже, в горле) обнаружили для меня кое-что в фонетическом строе его сти хов, в интонационной выделенности, от дельности каждого слова, отсутствии привычного мелодического рисунка «легато», свойственного русскому стиху. Вот откуда эти взрывные губные, это странное графическое расположение стихотворных строк.

Маяковский не любил своего детства; по свидетельству Р. Якобсона, «ненавидел рассказы о своем детстве, о ранних годах». Между тем детство может многое объяснить в человеке, тем более — в художнике. Маяковский с младенчества не только был окружен грузинской речью, но и сам владел грузинским языком. Тот же Якобсон вспоминает, как с помощью Маяковского, говорившего погрузински, удалось раздобыть спирт по знакомству у продавцов-грузин для какого-то собрания лингвистического кружка.

В автобиографических заметках Маяковский рассказывает, как он ходил мальчиком на Рион: «Говорю речи, набрав камни в рот». Эти камешки во рту, как у Демосфена, тоже имеют отношение к его поэтике. И не случайно, между прочим, ему так не понравились в детстве лермонтовские стихи:

Кан-то раз перед толпою Соплеменных гор У Казбека с Шат-горою Был велиний спор.

Дело не только в смешном для де ского слуха звучании слова «соплеменные», но и в том, что само звучание ру ского стиха казалось ему, выросшему грузинской провинции, нуждающимся переделке, — это стремление совпало общефутуристскими установками.

Прелесть речевых фонетических «связок» русского стиха была для него сомнительна. Другое дело — те две стихотворные строки из революционной прокламации, которые произвели на него в двенадцать лет такое впечатление, что он их вспоминал и в 20-е годы:

...а не то путь иной — К немцам с сыном, с женой и мамашей. Записаны эти две строки традиционным способом, но явно разваливаются на отдельные построчные слова;

ельные построчны... А не то путь иной к немцам с сыном, с женой и с мамашей, («Кто меж нами? с кем велите знаться?!») не заметить Пастернака, а потом рассчитывать, что тебе это сойдет с рук. В поэзии есть свои правила, не менее строгие, чем в карточной игре.

Революция в поэзии — вешь опасная.

язык, в том числе и поэтический, сопротивляется насилию и умеет постоять за себя.

Не повторим же его ошибки, будем благодарны Маяковскому за лучшие его

благодарны Маяковскому за лучшие его стихи, за то, что он тоже «занес нам» несколько «песен райских», как ни странно это звучит по отношению к нему. «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?»

Виктор СОСНОРА

1. Я не придаю значения политическим взглядам художников. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Прибавим, что Блок и Хлебников к этой эпохе не принадлежат.

2. Все стихи до 16-го года. «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Хорошее отношение к лошадям» — это, если так можно выразиться, мировой экстракт творчества

ракт творчества. 3. Я бы его ни от чего не удерживал, а поправлять поздновато, нерукотворное имя выбито на бронзе шести миллиардов населения земшара. Сейчас не издают Маяковского за тему. После 17-го года он наступил на горло себе и полностью принял новояз антиэстетики и загрохотал. Но у Державина и Тютчева такого грохота еще больше. Это не оправдание, они были сильно привязаны к событийности своего времени. В отличие от вышеперечисленных, Маяковский сумел сделать антиэстетику принципом и достиг в этом высших вершин. Вычеркивать его советский период нелепо и дико, но это делают. Кто нам напишет такие лубки, такую страннообразную поэму «Про это», у кого поднимется сила до трагедии «Во весь голос»? Равных этим ораториям я не знаю в русской поэтике. А две драмы, достойные сатир Аристофана, — «Баня» и «Клоп», они всегда актуальны там, где чиновники множатся и свирепствуют. везде?! А фельетоны в стихах «на тему» — поэт писал и до Октября?!

4. Он писал в 1915 году: «Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце». Он уже дошел до точки в 1930-м. Роман Якобсон отмечает в книге Бенгта Янгфельдта, что Маяковский был абсолютно не приспособлен к человеческой жизни, он погиб бы в любой стране. Согласен. Романтики такого накала несовместимы с людьми. Маяковский не мог сдаться в плен на милость победителя. Он берет последнее, что у него остается, — пулю и уходит отсюда честно, как полководец.